

Кто-то теряет, кто-то находит

Как сделать балетную карьеру на Западе

Кедровская. - 2003 - 31 окт. - с. 15

Увидеть танец украинско-американских звезд балета **Ирины Дворовенко** и **Максима Белоцерковского** — большая редкость: они живут в девяти часах полета от Москвы, но слухами об успешной нью-йоркской карьере супружеской пары из Киева давно полнилась земля. Премьеры Американского театра балета (АВТ) впервые за десять лет приезжали в Россию на два дня, чтобы принять участие в гала-концерте памяти Рудольфа Нуреева. (Тут и обнаружилось, что мы потеряли, а Штаты приобрели двух превосходных исполнителей.) Балетный обозреватель «НГ» встретился с новыми гражданами США и полюбопытствовал: легко ли танцовщику из СНГ выстроить качественную профессиональную судьбу за океаном? И хотя некоторые детали воследовавшего рассказа и могут навести многих российских граждан на мысль о поговорке «У кого щи пустые, у кого жемчуг мелкий», мораль их истории подводит для всех: спасение карьеры — дело рук самого карьериста.

Максим Белоцерковский: Как мы сделали карьеру? Об этом можно говорить часами, если вспомнить все, через что Ире и мне пришлось пройти. Десять лет жизни в Америке ушло на то, чтобы достичь уровня, на котором мы находимся, — ведущих солистов (principal dancers) ведущей труппы. Это совсем не так легко, как складывалось у Рудольфа Нуреева, Михаила Барышника или Натальи Макаровой, когда они просто сбежали из СССР и сам факт бегства из-под железного занавеса автоматически обеспечил интерес к их таланту. А сейчас, когда кто-то приезжает, в Америке говорят: «О, еще один из России». Ты начинаешь на общих основаниях, с нуля. Хотя я убежден, что русская школа балета — одна из лучших в мире, в Штатах к ней существует немножко настороженное отношение: «Вы, может, и хорошие, но у нас есть свои традиции, и мы на том стоим».

Ирина Дворовенко: Я думаю, что, если б мы пробыли поодиночке, нам было бы труднее. А так мы — готовый дуэт классических исполнителей, это удобно для работодателя. Плюс характер и целеустремленность. Но трудность в том, что все способные американские танцовщики, которые по идее должны были блистать и быть номером «один», отодвинулись на вторые места, когда Рудольф, Миша и Наташа начали танцевать на Западе. Это до сих пор стоит у американского балета поперек горла.

М.Б.: Я попал в АВТ с приключениями. Приехал в Нью-Йорк по гостевой визе в 1994 году, летом. Никогда не видел эту лучшую в США труппу, никого в ней не знал, только слышал, что репетитором там работает Ирина Александровна Колпакова, бывшая прима-балерина Кировского (Мариинского) театра. Позвонил ей, представился, сказал, что хочу посмотреть в компании. В ответ слышу: «Сейчас лето, сезон закрыт, никого из руководства нет, босс за границей, не знаю, чем вам помочь. Приезжайте в другой раз». На что я ответил: «Ирина Александровна, вы забыли, что русские «в другой раз» в Америку не приезжают, им бы один разок в страну попасть».

Ну нет так нет. Мне оставалось три дня до отъезда. Чтобы не терять форму, я стал заниматься в одной из частных балетных студий. В один из дней открывается дверь, и заходит директор АВТ Кевин Маккензи — тот самый «босс за границей». В этой студии занималась девочка, которую он подумывал взять в компанию. После класса Маккензи сам подошел ко мне и спросил, кто я, откуда. «Мистер Белоцерковский, вас устроит, если я сейчас же предложу вам контракт?» С этого дня началась моя работа в Америке. Первые два месяца я, премьер Киевской оперы, заслуженный артист Украины, числился в кордебалете, потом меня перевели в солисты.

И.Д.: А я в то время получала звания и регалии: золотую медаль и приз Анны Павловой на Московском конкурсе имени

Дягилева, были победы на конкурсах в Осаке, Киеве, в американском городе Джексоне, а до этого, в 14 лет, я выиграла Всесоюзный конкурс артистов балета. Мы с Максимом в Киеве перетанцевали весь классический репертуар, и, когда муж подписал контракт в США, я приехала к нему и пришла к Маккензи. Тот меня взял, но тоже на самый низкий, кордебалетный контракт: мол, в труппе нет денег. Мне пришлось ждать полтора года, прежде чем я стала солисткой, но с самого начала занималась в классе ведущих танцовщиков и тем навела на них страх: меня воспринимали как потенциальную конкурентку. Позже Маккензи откровенно мне сказал: «Ирина, я боюсь давать вам контракт балерины, пойдут разговоры, что слишком много русских в труппе переходят дорожку американцам». Числясь в кордебалете, я с самого начала танцевала ведущие партии — на третий день моего пребывания в АВТ Маккензи звонит в панике: у нас срываются гастролы в Бразилии, заболела балерина, некому танцевать Гамзатти в «Баядерке». Пришлось срочно вводиться в спектакль. Потом было «Лебединое озеро» в Метрополитен-опере с Владимиром Малаховым, после чего газеты обо мне написали: «Новая звезда родилась». Тут уж Кевину пришлось дать мне контракт солистки, но не ведущей балерины — «принсипал дансер», а просто солистки (в АВТ существует три ступени — кордебалет, солист и ведущий солист).

Мы с Максимом танцевали главные и вторые партии в се-

ми балетах, критики писали о нас восторженно, все билеты в трехтысячный зал Метрополитен-оперы на наши балеты раскупались, но дело не сдвигалось с мертвой точки.

М.Б.: В 1999 году, когда, кажется, весь Нью-Йорк уже знал о нас и сочувствовал, Маккензи

Сейчас Ирина Дворовенко и Максим Белоцерковский танцуют в Америке по пять балетов в неделю.

пригласил нас в кабинет и сказал: в этом году опять не получится повысить. Ира в слезах вылетела из комнаты. На следующий день у нас был «Дон Кихот». Мы от злости станцевали балет особенно хорошо, а когда вышли на поклон, зрители, наши поклонники, встали и скандировали: «Контракты! Контракты!»

И.Д.: Разница в оплате между солистом и ведущим соли-

М.Б.: Конкретную сумму зарплаты приходится «выбивать» лично. Русским всегда трудно говорить о деньгах, так мы были воспитаны. Но в Америке быстро переучиваешься. В конце сезона идешь к финансовому директору, и начинаешь интересный разговор. Директор: на следующий год я могу дать вам столько-то. Вы красноречиво молчите, пьете воду, кашляете. Директор: хо-

И.Д.: В контракте расписаны все детали нашей работы вплоть до количества бесплатных билетов, положенных мне в дни спектаклей. Оговаривается число рабочих недель в сезон. Мы получаем зарплату за 36 недель в году, но вразбивку: работаешь — неделя отдыха, работаешь — опять неделя отдыха, что в принципе хорошо, дает возможность прийти в себя. Отдых не оплачивается, это как отпуск за свой счет, хотя по американским законам, если ты работаешь больше чем 18 месяцев в одной компании, ты имеешь право на государственное пособие в период безработицы. В недели отдыха мы получаем такое пособие, это примерно четверть зарплаты.

В Америке балетные труппы не поддерживаются государством, они существуют за счет частных пожертвований и собственных доходов. Американский балетный театр только недавно погасил восьмиллионный дефицит бюджета, который остался после руководства Миши Барышника — он очень щедро платил артистам, но ситуация для труппы сложилась финансово провальная. Ведь у АВТ нет своего здания, во время сезона в Нью-Йорке мы арендуем зал в Метрополитен-опере, а это в неделю стоит полмиллиона. На зарплату штату труппы уходит до четверти миллиона в неделю. Создание новой продукции тоже обходится недешево: в не-

давнем «Лебедином озере» два миллиона ушло только на декорации и костюмы.

М.Б.: Сейчас Кевин Маккензи бьется, чтобы объединить в Метрополитен оперный и балетный сезоны, как во всех музыкальных театрах мира, но пока ничего не получается. В Америке балет не стоит на той же ступени общественного признания, как опера. На оперу и билеты дороже, и солисты получают больше. И так везде в мире. Только в Японии очень любят балет и щедро платят.

И.Д.: Недавно в Нью-Йорке пела Мирелла Френи — у нее гонорар 15 тысяч за спектакль. В балетном мире, за редкими исключениями, больше 5 тысяч за вечер никто не получает.

М.Б.: Мы пытаемся положить такое отношение, и в определенной степени это удается. Приглашаем на спектакли известных людей, их присутствие — это антураж, бум, пресса, это поднимает статус балета. К нам на спектакли приходят бизнесмены, миллионер Дональд Трамп, кинозвезды Пирс Броснан и Алек Болдуин, модельер Келвин Кляйн, Барбара Уолтерс — очень известный журналист, интервьюирующий президентов и королей. Так что можно считать, мы прорвались. Критика нас ценит и часто пишет: «Дворовенко и Белоцерковский — самая любимая балетная пара американцев». Они говорят, что на спектаклях между нами есть «химия» — американцы так называют эмоциональный контакт в дуэте. Правда, Анна Киссельгоф из «Нью-Йорк таймс» как-то раз написала, что Ирина двигается как советская балерина. Мы так и не поняли, хорошо это или плохо.

Дай бог мне здоровья танцевать еще лет пять-шесть, а потом... В Америке нет возраста балетной пенсии. Танцуй столько, сколько можешь, если ты продаешь зал и не стыдно смотреть на себя в зеркало. Люди говорят, что у меня есть талант руководить. Наверно, это потому, что я как бы из двух миров, смотрю на американский балет изнутри и снаружи, вижу все непредвзято. Есть еще частные балетные школы, есть бродвейские шоу, кино, в конце концов. У меня уже было предложение из Голливуда, от которого я отказался, — сыграть русского алкоголика.

И.Д.: Пока мы наслаждаемся танцем. В Америке постановки неплохо стоят в афише, спектакль прокатывается два-три года и заменяется новым. Обширность репертуара невероятная! Мы танцуем каждую неделю по пять балетов, и заменить нас некому.

Материал подготовила Майя Крылова

И звезды шутить умеют.

Фото Христо Христов

Русским всегда трудно говорить о деньгах, так мы были воспитаны. Но в Америке быстро переучиваешься

том весьма существенная. Солист начинает с полутора тысяч долларов в неделю («грязными», на налоги вычитают 30%), «вилка» оплаты ведущих танцовщиков начинается с двух тысяч. (Правда, в Америке каждый артист имеет право на ежегодное повышение зарплаты на 6% — из-за инфляции.) Когда мы в 2000 году наконец получили контракт ведущих солистов, все понимали, что нас безумно долго передержали «внизу». И сразу дали высокую ставку «принсипал дансер» — четыре тысячи в неделю.

рошо, даю на 15% больше. Вы крутите головой, оглядываетесь по сторонам, чешете в затылке. Директор: ну ладно, даю больше на 25%. Вы говорите: согласен. Тут важно вовремя остановиться, чтобы учесть взаимные интересы. В АВТ были удивлены, когда я попросил контракт на три года: там принято подписывать годовые договоры, но русскому человеку, особенно за границей, необходима уверенность в завтрашнем дне, а мне лично в 30 лет хочется уже немножко покоя на душе.